

РУССКИЕ НОВОСТИ

№ 489

15 OCTOBRE 1954

Les Nouvelles Russes

Выходит по пятницам

10-й ГОД ИЗДАНИЯ
DIXIÈME ANNÉE

Tous les vendredis

PRIX DU NUMERO

40 frs

„Вишневый сад“ в театре Марины

Мог ли подумать скромнейший Антон Павлович, что через полвека после его смерти «Вишневый сад» будет разыгран, при восторженных аплодисментах публики, лучшей французской драматической труппой, и, что первейший из парижских драматических критиков приравняет его самого к Бальзаку и Толстому. Если это чудо совершилось, то мы обязаны этим, в значительной степени, руководителям труппы, — Л.-Л. Барро и Маделен Рэно, сумевшим выявить в русской пьесе все то, что в ней имеется общечеловеческого. В их изображении, «Вишневый сад» не только отражает собой упадок «дворянских гнезд»: он является как бы символом смены поколений и смены социальных классов, совершающейся повсеместно, а не в одной лишь России.

Для русского человека, помнящего спектакль Московского Художественного театра, не представляло бы особых затруднений выдвинуть ряд критических замечаний по поводу постановки и костюмов. Декоратор Вакевич (который совершенно напарсно считается в Париже знатоком русского стиля), дал «Вишневый сад» (во 2-м акте) без русского пейзажа и усадьбу богато, но безвкусно меблированную в стиле Второй империи, с позолоченными ручками кресел, с изящными панно и арками на стенах. В костюмах тоже не мало погрешностей: Маделен Рэно является на импровизированном балу разодетая, как героиня «Веселой Вдовы»; мужчины при летних рубашках носят барашковые шапки, а старый студент Трофимов (изображаемый самим Барро), почему то выходит в последнем акте в облачении путейского генерала — в черном пальто с большими зелеными отворотами...

И все же в этих недочетах нельзя усмотреть элементы подлинной «кляквы». Руководители театра Марины были, повидимому, вынуждены, чтобы заинтересовать парижскую публику, придать постановке эффектный оттенок. Исчез меланхолический уют обедневшей русской усадьбы, но французы увидели и поняли свою разорившуюся «жантильмэнэру». Изменился весь стиль

пьесы: при отсутствии подлинного драматического конфликта, она приобрела в прекрасном переводе Поля Невэ, более сильный драматический характер, чем в подлиннике.

Игра отдельных артистов бесподобна. В первую очередь мы отметили-бы Пьера Бертэна в роли Гаева, хотя этот чеховский герой у него более похож на южно-французского красноречивого, чем на неприязнательного русского болтуна. Маделен Рэно создала незабываемый образ Раневской, беспечной нечастливой и любящей женщины, какие имеются не только у нас под Харьковом, но на всем белом свете. Нувориш Лопажин оказался особенно понятным парижанам, а старый Фирс затронул все сердца, не смотря на свое перевоплощение в нарядного мэтр-д-отеля.

Жан Луи Баро придал пафос и глубокий смысл несвязным по существу речам вечного студента Трофима. Второстепенные женские роли были выполнены прекрасно — гораздо лучше, чем второстепенные роли мужчин.

В общем — интереснейший спектакль, который можно безоговорочно рекомендовать всем русским парижанам.

Глоб-Троттер.